

АННА АВЕРЬЯНОВА

Пыльная карамелька: эссе/домашний беспорядок

Мечтает прилипнуть к одной из сторон
ворот бинарности

Пыльная карамелька
постсоветской сексуальности
Но микроны ее помощницы
снимают с оппозиции человеческих
И слетает протофеминистка призрачная
В парасуицид или самоповреждение
Как же как же упаковать ее в фантик
с портретом Фрейда?
Ее можно только найти где нибудь
за шкафом неожиданно,
испугавшись изрядно встречи
с реальным

Мама говорит из 60-х, когда находила
карамельку, мыла под краном и съедала

Там на просторах экстритерitorialности,
между зданий посольства идентичности и государственного
общего проекта:
— Ты балансируешь на грани
— Я и есть эта грань
говорит Эон Флакс, героиня авангардного научно-
фантастического киберпанк мультсериала про вирусный
апокалипсис, который транслировался на американском MTV с
1991 года

А я хлопнушку нашла на помойке в 90-х, отпустилки гулять за
забор, хотела достать цветные кружочки перегородки из тельца
тубуса и бух — пальчик бо-бо.
Мамы нет на даче, бабушка зубная врачаха — операторка
бормашин с ножным приводом — всегда рассекала стаканчик
мороженого — вертикальный надрез очень холодного — на
две части

Маленькая Вера на паркете наслаждается
Мой дедушка ударил ножом любовницу своего сына и сына
ранил и умер через несколько лет
Семейные диагнозы
Органические поражения мозга vs героиновая зависимость
Над рос гвардейцами теперь поставили военных им очень
тяжело — депрессия
Я наслаждаюсь на лопатках поверхностью свеже уложенного
ламината

Мать Маленькой Веры, как наводящая порядок, удерживающая
структуру, материнское ожесточение — еще один аффект —
могла бы сделать революцию

Мама боится стать продавщицей из
магазина 24 часа, особенно когда в 10-х
идет за Брут, мысленно извиняясь на
кассе

Маленькая Вера на полу между работой при фарма-порно
капитализме и советским шампанским — протофеминистка в
парасуицидальном акте трансгрессии.
Красиво звучит диагностика — как название «настоящего»
эссе, критического эссе про патологизацию, биополитику,
медицинский дискурс
Сахар растворяется в мыле. Разница между двумя версиями
мультфильма «Мойдодыр» 43 и 56-гг — добавлен припев
«Вечная слава воде»

Райх тоже искал выход через аффект, экстаз, оргазм
Протофеминизм переживала — отвечаю,
Но за парасуицид не возьмусь, только Авердоз,
самоповреждающее
Была на Нео-Райхианских пульсациях; еще из прожитого —
получила задание оставаться в матрице; На пульсациях тебе
диафрагму сдавливают, обнимая твоими же ногами, потом
отпускают резко. Бьешь подушкой об пол, смотришь в глаза
травмированной женщине и сатанинским тоном кричишь что-
то подразумевающее «засуществовать в несуществовании» и
смех ведьминский проступает, а она плачет от зависти

О! и еще читала тут из клиники зловещее:

*«Одной из характерных черт обследованных женщин
с пограничным расстройством личности была их
способность в ряде случаев выходить с терапевтом на
качественно иной уровень эмпатических отношений,
который заключался в их способности «проникать в душу»
терапевта, создавать сильное необычное, рационально не
объяснимое чувство осведомленности о наиболее интимных
его/ее переживаниях и секретах. Возникновение такого
чувства вызывает у терапевта обычно появление тревоги,
связанной с переживанием вторжения в границы его эго-
системы, нарушение чувства сепаратности и безопасной
изолированности от пациентки»***

СТРУКТУРА ИССЛЕДОВАНИЯ:

Шаг 1: Карамелька советская, за шкафом найденная, никому
не нужная, только детям истории

Шаг 2: Парасуицид маленькой Веры 80-х,
протофеминистская на полу валяется — шампанским липким
обливается

Шаг 3: Карамелька из клипа 90-х Ирины Салтыковой
«Голубые глазки»:
*«Трудно быть одинокой, но легко быть свободной
Быть ничьей и далекой как звезда-да
Трудно быть одинокой, умной и
сумасброднойНежной быть и жестокой иногда-да»*

Инаугурация грандиозного Чупа-чупса, в моде
предательство, гормональный дождь, пубертат
истории, рождение и смерть квир эстетики**.

В советском мультфильме девочка говорит животным: *«Кто
похвалит меня лучше всех, тот получит вкусную
конфету»*. Ее называют красивой только в момент получения
неожиданной травмы — укола иглой, пользуясь аффектом,
разделяют конфету на всех и зеркалаize за одно обобществляют.

Пыльную карамельку не привести в товарный вид, она
обозначает ничейную территорию, линкуется с большими
данными мира вещей — эстетическая оптика нам подруга —
расположение в пространстве в связи с другими объектами

Прогон: протофеминизм пыльной карамельки 60-х, парасуицид
маленькой Веры 80-х, грандиозный Чупа-чупс 90-х и...

Шаг 4. «Раковые шейки» — со вкусом пыли
Candy Crash **** test карамельки.

Приключения чистоты, реальное мы прячем в коробки Икеа
присягая минимализму в эстетике. Если детство истории
закончилось, придется наврать себе с три короба, что бы
съесть пыльную карамельку.

Прежде чем установить новое воображаемое:
Candy Crush не так безобидна, как кажется
Чтобы прикоснуться к коду, нужен припыленный интерфейс

— так вот же она, твоя новая мама

Примечания:
* — Лекция Аллы Митрофановой “Как засуществовать в
несуществовании” на youtube канале ДК Розы
** — Из резюме кафедры психиатрии наркологии и
психотерапии НМГУ «Пограничное личностное расстройство
у женщин» <https://cyberfemininka.ru>

*** — Лекция Романа Осмынкина «Рождение и смерть квир-
эстетики в постсоветском искусстве» на youtube канале ДК Розы

**** — Польш Б. Пресиадо “Candy Crush или пристрастие в
эру телекоммуникации/добавка к эре телекоммуникации/
зависимость в эру телекоммуникации” https://cyberfemzine.net/slash_trans/

Анна Аверьянова — участница группы Самоорганизация ДК
Розы; Инженерка гормональной прокрастинации н и и ч е г о д е
л а т ь; Занята социальными технологиями и исполнительским
искусством. <http://averdose.ru>

It dreams of sticking to one side
of the gates of binarity,
The dusty candy of post-Soviet
sexuality

But the microns, its helpers, remove
it from the human oppositions.
And the ghostly protofeminist
flies off

Into parasuicide or self-harm
Just how does one pack it in a wrapper
with a portrait of Freud?
Only ever found unexpectedly,
somewhere behind the wardrobe,
pretty darn scared of meeting the real.

My mom speaks from out of the
’60s, when she found the candy,
washed it off in the sink and ate it

There in the expanses of extraterritoriality,

between the buildings of the Identity Embassy
and the state's common project:
– You're skating the edge
– I am the edge
says /Eon Flux, the titular heroine of the
avant-garde sci-fi cyberpunk animated show
about a viral apocalypse that was broadcast
on MTV starting in 1991

Meanwhile in the 90s I found a party popper
in a dumpster—they had let me go for a walk
out past the fence
I went to take the colorful discs sectioning the
little tube's body out and pow—a finger owie
Mom's not at the dacha; Grandma's a
dentist—a handler of foot-powered drills—
she always sliced through pre-packaged sugar
cones of ice cream—a vertical incision into
something very cold—making two halves

Little Vera is enjoying herself
on the hardwood floor
My grandfather stabbed his son's lover and
wounded his son and died a few years later
Family diagnoses
Organic brain lesions vs. heroin addiction
Now the national guard's been subordinated
to the military and they're having a rough
time—depressed
I am on my shoulder blades enjoying the
surface of the freshly laid laminate flooring
As an orderer, Little Vera's mother holds the
structure together,

a maternal bitterness—yet another affect—she
could have made a revolution

My mom is afraid of becoming a
cashier at the 24/7 store, especially
when she goes to get brut in the
2010s, mentally apologizing at the
register

Little Vera is on the floor between work
under pharmacopornographic capitalism
and Soviet cham-pagne—a protofeminist in a
parasuicidal act of transgression.
The diagnosis sounds beautiful—like the title
of a “real” essay, a critical essay on pathology,
bio-politics, and medical discourse

Sugar dissolves in soap. The difference
between the 1943 and 1956 versions of the
cartoon Moydodyr[1] is the added refrain
“Eternal Glory to Water.”

Reich also sought for a way out through
affect, ecstasy, or orgasm
I went through protofeminism, I //keep my
word
But I can't go for parasuicide, only
Averdosing, the self-harmful
I've been to neo-Reichian pulsations; amongst
my other experiences was being tasked with
staying in the matrix; at the pulsations they
squeeze your diaphragm, embracing you
with your own legs, and then drop you, hard.
You hit the floor with your pillow, look the
traumatized woman in the eyes, and shout
something in a satanic tone to the extent of
“starting existing in nonexistence,”* and the
witch's laughter shows, and she weeps with
envy

Oh, I've also been reading some ill-boding
stuff in clinical studies:

“One of the characteristic features of the
women with borderline personality disorder
surveyed was their ability in a number of
cases to establish a qualitatively different
sort of empathic relations with the therapist
based in an ability to 'get into his or her soul',
creating a strong, unusual sense, unex-
plainable by reason, that the woman was
aware of his or her most intimate experiences
and secrets. This sense is usually associated
with anxiety on the part of the therapist,
caused by experiencing a violation of the

boundaries of his or her ego system and sense
of separateness and of being safely isolated
from the patient.”**

OUTLINE OF THE STUDY:

Step 1: A Soviet candy, found
behind a closet, unwanted by
everyone but the children of
history

Step 2: Little Vera's 1980s
parasuicide: a protofeminist rolling
on the ground, sticky champagne
getting her doused

Step 3: The candy in Irina
Saltykova's 90s music video for
“Blue Eyes”:
*“It's hard to be lonely, but it's easy to be free
Yeah, to belong to no one and be distant
as a star
It's hard to be lonely, a smart and wild girl
Yeah, to be gentle, sometimes cruel”*

The inauguration of the immense Lollipop,
betrayal in style, hormonal rain, history's
puberty, the birth and death of queer
aesthetics.***

In one Soviet cartoon, a girl tells the animals,
“Whoever gives me the best compliment gets
a yum-my candy.” They call her beautiful only
in a moment of unexpected injury—poked
by a needle, taking advantage of the affect,
they divide the candy among everyone and
common the mirror while they're at it.

You can't make a passable commodity out of
the dusty candy: it denotes a no-man's land,
links up with the big data of the world of
things—the lens of aesthetics is our friend—a
location in space in connection with other
objects

Run it through: the 60s-era proto-feminism
of the dusty candy, the 80s parasuicide of little
Vera, the immense lollipop of the 90s and...

Step 4: Crab Necks[2] with a hint
of dust. The candy's crash test.****

The adventures of cleanliness; we hide
the real in Ikea boxes
swearing allegiance to minimalism in
aesthetics. If history's childhood is over,
you'll have to tell yourself a pack of lies in
order to eat the dusty candy.
Before you install a new imaginary:
Candy Crush is not as harmless as it seems
To touch the code, you need a dusty interface

—that's your new mom right
there[3]

FOOTNOTES:
* “How to Start Existing in Nonexistence,”
lecture by Alla Mitrofanova, available on
Rosa's youtube channel
** From the abstract for “Borderline
Personality Disorder in Women,” Novosibirsk
State Medical University
*** “The Birth and Death of Queer Aesthetics
in Post-Soviet Art,” lecture by Roman
Osminkin, available on Rosa's youtube
channel
**** Paul B. Preciado, “Candy Crush Rehab,”
An Apartment on Uranus

TRANSLATOR'S NOTE:
[1] the titular character is a sink who teaches
the boy protagonist the importance of
washing.
[2] indeed the name of a Russian brand of
caramel.
[3] this phrase come from a broadly
lambasted ad for the 2020 constitutional
amendments, which both reset the clock for
Putin's presidential term limits and officially
enshrined heterosexual marriage. In the ad,
set in the dystopian future of an un-amended
Russia, a newly adopted boy asks where his
mom is as he exits the orphanage—only to
be presented with his dad's effeminate gay
partner! The line has since become a meme.

Anna Averyanova is a member of the Rosa's
House of Culture Self-Organization Working
Group. Hormonal Procrastination Engineer
at the Research Institute for Doing Nothing,
and a social engineer. Site: averdose.ru

Фото/Figure #1

Фото/Figure #2

Фото/Figure #3

Фото 1 Товарный словарь СССР в 9 томах.
Фото 2. На обложке Playboy главная героиня
фильма Маленькая Вера. Режиссер В.Пичул.
1988
Фото 3. Приколотая иглой, со вкусом банана
— причастие слушательницам семинара
«Сексуальность постсоветского» от Елены
Костылевой.
Фото 4. Плакат Маленькая Вера
Фото 5. Версия логотипа разработанного
Петром Папасовым для нового приложения
Easy2Cam, установив которое вебкам
модели смогут транслировать эротическое
шоу на максимальное количество платформ
одновременно. О такой мутации идет речь

в статье Пресьядо "Мягкая тюрьма: добро
пожаловать в домашнюю теле-республику".
В наши дома с карантином COVID19
переустановлена версия фамако-порно
капитализма, еще в конце 20 века так
выстроена была инфраструктура особняка
PlayBoy. Отложенное, прокрастинируемое,
перверсивное желание советского проекта,
тревожно и точно переливавшееся в
маргинальном потерянном пространстве
постсоветской пыли, тут же — не
переместившись с пола, оказалось
мобилизовано, стерилизовано и упаковано в
сверкающие интерфейсы.

Figure 1: The 9-volume USSR Commodity Dictionary
Figure 2: The protagonist of Little Vera (dir. Vasili Pichul, 1988) on the cover of Playboy
Figure 3: Poked with a needle, banana-flavored—attendees of Elena Kostyleva's seminar
on post-Soviet sexuality take communion
Figure 4: Poster for Little Vera
Figure 5: One version of a logo developed by Petr Papasov for the new application
Easy2Cam, which will allow webcam models to broadcast erotic performances on as many
platforms as possi-ble simultaneously. Preciado discusses this mutation in his article “The
Soft Prison: Welcome to the Telerepublic of your Home.” In our COVID-19 quarantined
homes, a version of pharmacoporno-graphic capitalism has been reinstalled that hearkens
back to the late 20th-century infrastructure of the Playboy mansion. All of a sudden, without
budging from the floor, the put-off, procrastinated, perverse desire of the Soviet project that
anxiously and surgically flows over into the marginal lost space of post-Soviet dust has
been mobilized, sterilized, and packaged into sparkling interfaces.

Фото/Figure #4

Фото/Figure #5

см. полное издание